

Секрет маленького отеля

Автор:

Екатерина Вильмонт

Секрет маленького отеля

Екатерина Николаевна Вильмонт

Сыскное бюро «Квартет» #11

У закадычных подруг, Аси и Матильды, грандиозные планы. Их ждет невероятное путешествие по Европе. Как они могут отказаться от поездки во Францию и Италию?! Ведь столько приятных приключений впереди! Но никто и представить не мог, что уже в аэропорту они вляпаются в очередную историю. И в одном самолете с девочками оказываются настоящие преступники...

Что ждет девочек? Почему за подружками кто-то следит? И потерянный багаж – это только начало? Неужели Ася и Матильда что-то знают?

Как всегда запутанное дело по плечу нашим подружкам. Ведь только они смогут во всем разобраться!

Екатерина Вильмонт

Секрет маленького отелям

Глава I

В Париж!

– Ох, девчонки, кто же вас проводит? – волновалась тетя Липа.

– Олег! – заявила Мотька. – И проводит, и встретит. Я с ним уже договорилась!

– Олег? Вот хорошо! – обрадовалась тетя Липа. – И я с вами тоже в аэропорт поеду!

– Тетя Липочка, зачем? – спросила я. – Вы же там плакать будете!

– Я и тут буду!

– Но почему? Мы же не в Антарктиду летим, а в Париж, и не к чужим людям, а к моему родному деду.

– Все равно, – вздохнула тетя Липа. – Ты же там останешься, и когда я тебя еще увижу! Хорошо хоть Матильда вернется, все мне про ваше путешествие расскажет... Ты же не сподобишься письмо старухе написать...

– Никакая вы не старуха! – возмутилась я.

– По годам, и верно, не старуха еще, а вот как вы все разъедетесь. Мама твоя на гастроли, отец по морям плавает, про деда я и не говорю... Он как на Ниночке женился, сюда и дорогу забыл... Вот и коротаю дни с Лордом да с Мефистофелем...

– Тетя Липа, но ведь дед только десять дней как уехал! – попыталась я восстановить справедливость.

Но тетя Липа словно не слышала.

– ...Вот я и говорю – с котом да с собакой поневоле себя старухой почувствуешь!

– Тетя Липа, но мама же скоро вернется! И потом... Знаете что, мы все снимем на видеокамеру и я передам вам кассеты с Матильдой! Так что вы как будто с нами будете путешествовать!

– Ты правду говоришь? – оживилась тетя Липа.

– Конечно! Мне дед обещал подарить камеру!

– А ты с ней хоть обращаться умеешь?

– Умею!

– И у меня тоже будет камера! – заявила вдруг Мотья. – Мне Олег обещал дать, сам предложил. Кайф, правда?

– Еще бы!

До отъезда оставалось три дня, и, поскольку предстояло еще много дел, мы переехали с дачи в город. Матильду уже трясло от нетерпения.

– Аська, я не доживу!

– Доживешь, доживешь, – успокаивала я подружку. Меня же терзали противоречивые чувства. С одной стороны мне, конечно, хотелось отправиться в путешествие с Мотькой, а с другой – было очень грустно расставаться с Москвой, с тетей Липой, с друзьями еще на целый год. А мама... Я так мало видела ее за эти два месяца. Папа обещал приехать в Париж, а мама даже не обещала. Она сейчас буквально нарасхват. Театр, концерты, съемки в кино, на телевидении...

Вечером, когда мы остались вдвоем с тетей Липой, она сказала:

– Асюта, не грусти. Езжай себе спокойно. Все будет хорошо! А потом... Прежнего все равно не вернешь...

– Почему?

– Потому что мальчишки ваши уже поступили в институты, они теперь студенты, и им не до вас...

Что-то похожее мне уже говорил Сережа, папин друг, еще до того, как меня первый раз отправили учиться в Париж. В самом деле, Митька поступил на юридический, Олег – на факультет журналистики, а Костя – в МГТУ. Они теперь совсем взрослые, наши мальчишки...

Утром мне позвонила Мотья. Она задыхалась от волнения.

– Аська, Аська, кошмар! Просто кошмар!

– Что? Что стряслось? – не на шутку перепугалась я. – Что-то с мамой?

– Да нет! Мне пришел вызов!

– Какой вызов? Откуда?

– Помнишь, я тебе говорила, что обратилась в актерское агентство, оставила там свои данные, и вообще...

– Ну и что?

– Как что? Как что? Говорю ж тебе – вызов пришел! Мне позвонили и просили зайти. Для меня есть работа!

– Слушай, Матильда...

– Аська, что делать? Как быть?

– Как быть? Пойти туда и узнать, что за работа!

– А вдруг хорошая? Что ж мне, отказаться?

– Почему?

– По кочану! Мы же уезжать собрались!

– А! Поняла! Ты же вроде так мечтала о путешествии?

– Я и мечтаю! Но тут такое дело...

– Сама решай. Я советов не даю!

– Нет, Аська, так нечестно. Подруга ты мне или нет?

– Я-то тебе подруга...

– Аська, миленькая, давай вместе туда сходим!

– Куда?

– В агентство! Куда ж еще! Ты все своими глазами увидишь, своими ушами услышишь... Ну, пожалуйста, Асечка, я тебя умоляю!

– Хорошо! Я пойду, но решать ты будешь сама!

– Сама, конечно, сама! Может, это вообще ерунда!

Мы встретились у моего подъезда.

– Это далеко? – спросила я.

– Да нет, не очень! На Смоленской. На троллейбусе доедем.

Мы пошли к Садовому кольцу.

– А как ты нашла это агентство?

– Случайно, совершенно случайно! Людка Кошелева сказала. У нее в этом доме кто-то из знакомых живет!

– А как оно называется?

– Называется роскошно – «Путь к славе»!

– Действительно роскошно! – засмеялась я. – А офис у них тоже роскошный?

– Не очень. Обычная двухкомнатная квартира на первом этаже. Но со всеми прибабасами...

– Это ничего не значит! Вспомни историю с Иришей! Был офис да сплыл!

– Аська, прекрати! Если б он сплыл, они бы меня не вызывали!

Агентство «Путь к славе» никуда не сплыло. Мотья, дрожа от волнения, позвонила, нам открыл, по-видимому, охранник.

– Вам чего? – не слишком вежливо осведомился он.

– Меня вызвали! – охрипшим голосом сообщила Матильда.

– Фамилия?

– Корбут!

– Проходи!

– А это со мной! – указывая на меня, бросила Мотья.

– Ладно, и ты проходи!

В комнате за компьютером сидела молодая женщина. По двум стенам стояли скучные конторские шкафы, заклеенные развеселыми рекламными плакатами. Вентилятор гонял по комнате душный воздух. Вдоль третьей стены стояли стулья в ряд, на которых сидело человек семь. У всех были напряженные, усталые лица. Господи, неужто все они стремятся к славе? Матильда тоже присела на краешек стула. Женщина за компьютером, казалось, не обращала ни на кого ни малейшего внимания. От нечего делать я принялась разглядывать очередь. Пять женщин и двое мужчин. Один молодой, а второй уже здорово побитый жизнью. И он туда же, за славой? Женщины все не первой молодости. На их фоне Мотья выглядела просто цветком... В этот момент в комнату

стремительно вошел мужчина лет сорока, модно одетый и очень наглый, как мне показалось. Женщина оторвалась от компьютера.

– Виктор Палыч!

– Привет, Валюша! Где обещанная девица? – Он окинул взглядом очередь и тут заметил Мотьку. – Это ты, что ли?

Мотька вскочила.

– Ты Корбут? – спросила Валюша.

– Я!

– Так-так, – продолжал разглядывать Матильду Виктор Павлович под завистливыми взорами очереди. – А повернись-ка, так... Что ж, типаж хороший, ничего не скажешь, а что умеешь? Петь? Танцевать? Впрочем, это неважно... А, кстати, сколько тебе лет?

– Пятнадцать! – чуть-чуть соврала Мотька, которой до пятнадцати не хватало двух месяцев.

– Что? – расхохотался он, как гиена. – Малолетка? Валюша, ты в своем уме? Что ты мне предлагаешь? Я в такие игры не играю. Все! Вали, девочка, отсюда! Рано тебе еще.

Он быстро прошел к двери, ведущей в следующую комнату. Валюша побежала за ним.

Все произошло так стремительно, что Мотька осталась стоять с открытым ртом.

– Кто это? – спросила я у очереди.

Потрепанный мужчина пожал плечами.

– Наверное, какой-то новый... режиссер или продюсер, их теперь развелось как собак нерезаных! Раньше, бывало, всех режиссеров в лицо знаешь, а нынче... – Он махнул рукой. – Вам, девушки, и впрямь лучше уйти отсюда. Кроме хамства, ничего не дождетесь. В вашем возрасте лучше подальше от хамов держаться.

Глаза Матильды были полны слез. Я схватила ее за руку.

– Идем отсюда! Дура!

Мотька покорно пошла за мной.

– Дура! – повторила я. – Да это же какая-то шарага! Невесть чем тут занимаются, а ты... Сама посуди, почему нельзя в кино или в спектакле малолетку занять? А? Хорошее, значит, кино!

– Ой, Аська, ты права. Мне еще Олег говорил, что это шарашкина контора... Но ты же видела, сколько там народу! И все надеются...

– Им уже только надежда и остается! А ты... Забыла, что тебе Лутовинов обещал? И вообще...

Тут вдруг Мотька вырвала руку, подпрыгнула и захлопала в ладоши.

– Ура! Аська, ура! Мы едем! Едем, понимаешь?

– А ты сомневалась?

– Ну, не то чтобы...

– Я ж говорю – дура!

И вот настал день отъезда. Накануне Мотька поехала к своей маме – прощаться. Александра Георгиевна ждала ребеночка и в аэропорт решила не ехать. Мотька взяла с собой Лику, которая шила для Александры Георгиевны два платья. Мотькина мама была до смерти рада, что дочка будет не одна. Лика за это время

съездила домой, в Питер, привезла свои вещички и водворилась у Мотьки. А через два дня ей предстояло первое занятие с Лерой, известным модельером, а еще, как и обещал Лутовинов, Лика должна была начать работу над костюмами для какого-то малобюджетного фильма. Ей, правда, обещали за них заплатить. Так что Лика, можно считать, была устроена. И Мотька тоже радовалась. Без меня ей было бы очень тоскливо.

В аэропорт нас отвез Олег. Кроме него поехали еще тетя Липа и Костя с Митей.

Внезапно я почувствовала, что все, кончилась моя московская жизнь, и мне захотелось в Париж, жутко захотелось увидеть снова деда, Ниночку... Странно, еще вчера мне было так жаль покидать Москву... И тут же я поняла: мне страстно захотелось в Париж, потому что я не люблю прощаться!

Но ничего не попишешь. Тетя Липа всплакнула, Олег с Мотькой отошли в сторонку, а Митя вдруг сказал:

– Ася, мы вот с Костей говорили... Ты не думай, ничего не кончилось...

– Ты о чем?

– Оттого, что мы... поступили, ничего не кончилось, так и знай!

– Да! – пылко подхватил Костя. – Мы столько вместе... испытали, что... Такое не забывается!

Ну вот, а взрослые говорили... Ничего они в дружбе не понимают!

– И ты всегда можешь на нас рассчитывать! – добавил Митька.

Я встала на цыпочки и поцеловала его в нос. А потом и Костю.

– Аська, Аська, наш рейс объявили! – завопила Матильда.

Вот и все! Пора!

Мы прошли таможеню, сдали вещи в багаж, помахали на прощание провожающим и направились к паспортному контролю. Прошли его и очутились уже за границей. И вдруг я заметила, что Мотья несколько раз перекрестилась.

– Ты чего? Лететь боишься?

– Вообще-то не очень, но...

– Но что? – насторожилась я.

– Понимаешь, мне все не верится, что я действительно попаду в Париж... и в Италию! Это как чудо!

– Ладно тебе! Попадешь, еще как попадешь.

– А кто нас встречать будет?

– Ниночка, наверное. Деда сейчас нет в Париже.

– Ой, а сколько лету до Парижа?

– Часа три!

– Да? – удивилась Мотья. – Как до Тель-Авива. А я думала, Париж ближе!

И вот мы уже сидим в накопителе, разглядываем своих попутчиков. Напротив нас сидят две монахини в черном.

– Аська, а зачем монахиням в Париж ехать?

– Понятия не имею!

Я посмотрела на монахинь. И вдруг лицо одной из них показалось мне знакомым.

– Матильда, – прошептала я, – глянь, вон та монахиня, слева, что помоложе...

– Ну и что с ней?

– Мне почему-то знакомо ее лицо. Только не очень пялся на нее.

Матильда из-под ресниц глянула на монахиню.

– Тебе она, может, и знакома, а мне – нет! Скорее всего просто на кого-то похожа.

– Наверное, ты права.

Я постаралась не смотреть на монахиню, не думать о том, кого она напоминает, но мне это не удавалось. И вдруг я встретилась с ней взглядом, и, могу поклясться, в ее глазах мелькнуло смятение. И она поспешила отвернуться. Очень интересно.

– Аська, – шепнула Мотья, – а она, похоже, тебя знает!

– Мне тоже так показалось, – шепнула я в ответ и вновь глянула на нее. Но ее не было на месте. Куда ж она могла деваться из накопителя? Я огляделась и заметила, что она о чем-то говорит с женщиной, держащей на руках маленькую девочку. Но я видела сейчас только ее спину. Итак, она тоже узнала меня и чего-то испугалась.

– Интересно, откуда я ее знаю?

– А у тебя есть знакомые монахини?

– Конечно, нет!

– Может, кто-то из знакомых постригся в монахини? Сейчас это модно, даже среди артисток! Скорее всего какая-нибудь артистка из тети-Татиного театра...

– Но тогда чего ей пугаться при виде меня?

– А может, она не хочет, чтобы в театре про это узнали...

Пожалуй, это было единственное разумное объяснение. И все-таки я никак не могла успокоиться. Где же, где я видела это лицо? Может, я не могу вспомнить ее потому, что не вижу волос? Может, черный платок так меняет лицо? Конечно, меняет! Я сама когда-то оделась монахиней, чтобы меня не узнали, и именно черный платок сделал меня неузнаваемой...

– Моть, а ты уверена, что никогда ее не видела?

– Уверена. Ты же знаешь, какая у меня зрительная память! И чего ты, Аська, завелась? Подумаешь, какая-то монахиня! Какое тебе до нее дело?

– Да вообще-то никакого, но...

И тут объявили посадку, и я потеряла обеих монахинь из виду. В самолете, когда мы уже уселись на свои места, они прошли мимо нас по проходу. «Моя» монахиня шла, опустив голову. Но что же все-таки это значит?

– Аська, ущипни меня! – вдруг потребовала Матильда.

– Зачем?

– Затем! Неужели я лечу в Париж?

– Летишь, летишь, а щипать я тебя не стану! Это больно!

– А ты легонечко!

– Легонечко не имеет смысла! – засмеялась я. В самом деле – мы с Матильдой отправляемся в путешествие, о котором можно только мечтать, а я, как последняя дура, зациклилась на какой-то монахине.

Самолет уже начал взлетать. Мотька опять крестилась и держала меня за руку. Но вот надпись «Пристегнуть ремни» погасла, и она успокоилась.

– Аська, а мы сегодня успеем что-нибудь посмотреть?

– Конечно!

– А где у Игоря Васильича квартира?

– Я ж тебе говорила – на улице Виктора Гюго, в 16-м округе.

– А она красивая?

– Квартира?

– Улица!

– Мне нравится. А вообще – сама увидишь! Скоро уже! Скажи, а что тебе хочется увидеть в первую очередь?

– В первую очередь? – заволновалась Мотья. – Собор Парижской Богоматери!

– Почему?

– Потому что мы будем жить на улице Виктора Гюго.

Ай да Мотья!

– А по следам Жана Вальжана по парижской клоаке пройтись не желаешь?

– По клоаке? Нет, не желаю!

Мы с Мотькой года два назад с большим увлечением читали «Отверженные» и «Собор Парижской Богоматери».

– Бон матэн, бон жур, бон суар, бон нюи!

– Ты чего, Матильда?

– Повторяю, чтобы не забыть! Правильно?

– Правильно!

– А вот улица Гюго, она как называется – рю или авеню?

– Авеню!

– И там, ты говорила, недалеко Булонский лес?

– Точно!

– Тогда, может, мы сегодня там и погуляем?

– Посмотрим! Может, у Ниночки какие-то другие планы!

– Ничего! Другие планы – это тоже хорошо! – упоенно прошептала Мотья.

За всеми разговорами я совершенно забыла о монахинях. И увидела их, лишь когда решила наведаться в хвост самолета. Они сидели рядышком и спали. Но где же, где я видела это лицо? Когда я вернулась на свое место, Мотья с ходу определила, что я опять мучаюсь догадками.

– Ну чего? Опять монашка?

– Да, я теперь все время буду мучиться, пока не вспомню!

– А на фиг тебе мучиться? Пойди и спроси, откуда ты ее знаешь!

– Они спят.

– Ну и что? Проснутся же когда-нибудь. На кой тебе эти лишние сложности!

– Нет, Матильда, мне неудобно. Она же явно не хочет...

– Тогда плюнь и разотри! Скорее всего она просто кого-то тебе напоминает, вот и все. Ой, гляди! Мы уже подлетаем!

В самом деле, опять загорелись надписи «Пристегнуть ремни» и «Не курить». Мотья опять начала креститься. А у меня радостно екнуло сердце. И я поняла, что все-таки полюбила Париж!

Глава II

Самый счастливый день

В аэропорту Шарль де Голль вместо лестниц и эскалаторов всюду движущиеся дорожки. Становишься на нее и едешь. Дорожки разные, некоторые крыты стеклом. Матильда пришла в полный восторг. Но времени на восторги не было, багаж подали очень быстро, мы схватили свои вещи и поспешили к выходу. Я сразу заметила Ниночку.

– Ася! Матильда! Как я рада! – бросилась она к нам. – Как вы долетели?

– Отлично! – ответила я.

Матильда же пребывала в столбняке.

– Мотя, что с тобой?

– Это что, правда Париж?

– Нет, это еще не Париж! – засмеялась Ниночка. – До Парижа еще довольно далеко! Теперь, девочки, идемте, вы постойте вот тут, а я подгоню машину!

И она заспешила на стоянку. Я невольно озиралась, ища глазами монахинь, но с того момента, как мы вышли из самолета, я их больше не видела. Вскоре подкатила Ниночка, мы побросали вещи в машину и забрались на заднее сиденье.

Вырулив на шоссе, Ниночка сказала:

– Девочки, наши планы несколько изменились. То есть три дня в Париже вам обеспечены. Затем мы на два дня полетим на Лазурный берег, остановимся в Ницце, побываем в Монако, а оттуда полетим в Рим, где встретимся с Игорем Васильевичем! А уж там...

– Но почему? – спросила я.

– Видишь ли, твой дед не хочет, чтобы мы одни ехали на машине...

– Понятно, – вздохнула я.

У деда отношения с машинами довольно сложные. Он неплохо водит, но не любит машину и ездит сам за рулем только по необходимости. А вот Ниночка водит машину виртуозно, однако дед, видимо, счел, что такой путь для нее будет чересчур утомителен. Ну ничего, новый план тоже хорош. А Мотья, кажется, и не слышала нашего разговора. Она прилипла к окну, хотя мы еще не въехали в город.

– Ниночка, а что мы будем делать сегодня? У тебя есть какие-то планы?

– У меня? Нет. Я думала, ты сама решишь...

– Матильда прежде всего хочет увидеть собор Парижской Богоматери...

– Ну что ж, собор так собор! А вообще, по-моему, стоит сегодня устроить обзорную поездку, из окна машины, так сказать, а уж потом вы будете сами гулять по городу, без машины, это лучше, а то вечно не знаешь, куда ее припарковать...

– А это... уже Париж? – хриплым голосом спросила Мотья.

– Это уже Париж! – с улыбкой подтвердила Ниночка.

– Ой, ой, ой! – стонала Мотька.

– Ну что, сначала домой или немного прокатимся по городу? Вы не голодные?

– Нет! Мы в самолете ели! – ответила Мотька.

– Хорошо! Только можем попасть в пробку, – предупредила Ниночка, – но я постараюсь...

Мы больше двух часов катались по Парижу. Я тоже с восторгом узнавала свои любимые места.

– Ой! – вопила Мотька. – Эйфелева башня! Вон она! Ой, а это что, Елисейские Поля, да? А там Триумфальная арка? С ума сойти! Боже ты мой, а это Сена, да?

– Смотри-ка, а ты хорошо знаешь Париж! – радовалась Ниночка.

И вдруг Мотька как-то сникла.

– Ты устала? – спросила я.

– Да, – призналась Мотька, – я так волновалась...

– Все, едем домой! – сказала Ниночка.

Дом на авеню Виктора Гюго был четырехэтажным, в стиле модерн. Мы вылезли из машины, Ниночка открыла багажник, и тут же к нам подскочил молодой негр.

– Мадам, позвольте мне! – сказал он по-французски и выхватил у Ниночки наши сумки.

– Благодарю вас, Дидье, – ответила та.

– Аська, это кто? – прошептала Мотька, очумело глядя на Дидье.

– Это консьерж!

– Матерь божья!

Консьерж был новый, незнакомый. Он открыл дверь красного дерева, проворно внес вещи в просторный холл, поставил их в лифт и уехал. Через несколько мгновений он вернулся и, приветливо улыбаясь, пропустил нас в лифт. Лифт тоже был отделан красным деревом.

– Ух, красотища какая!

И дверь квартиры была из красного дерева. Ниночка открыла ее.

– Добро пожаловать, Матильда!

Квартира у деда большая – на целый этаж. Громадная гостиная, небольшая столовая, кабинет, спальня и две комнаты для гостей.

– Девочки, я подумала, что вам, наверное, захочется спать в одной комнате?

– Конечно!

– В таком случае Матильда будет спать на диване в твоей комнате!

Моей считалась одна из комнат для гостей, просторная, светлая.

– Ой, Аська, ты тут живешь?

– Да!

– Обалдеть можно! Выглянешь в окно, а там Париж!

– Девочки, устраивайтесь, приводите себя в порядок, а через полчаса будем обедать. Мадам Жюли приготовила все Аськино любимое.

И тут зазвонил телефон. Я сняла трубку. Звонил дед.

– Аська, родная, привет! Приехала?

– Только что вошли!

– Что, самолет задержался? Я уже звонил!

– Нет, мы покатались по городу!

– Как там наша Матильда?

– Балдеет!

– Ну и отлично! – засмеялся дед. – Аська, открой левый ящик своего стола, там найдешь два конверта. Это мой подарок вам с Матильдой! Все, солнышко, целую тебя, мне пора на репетицию!

– А Ниночку позвать?

– Нет, я уже опаздываю!

И дед положил трубку.

– Что он сказал? – спросила Ниночка.

– Сказал, что в столе какой-то сюрприз!

– А! – загадочно улыбнулась Ниночка. – Ну бегите к себе, а я займусь обедом.

Я кинулась к своему столу. В самом деле, в левом ящике лежали два умопомрачительно сиреневых конверта. На одном стояло «Анастасии», а на втором – «Матильде».

– На, держи! – отдала я Мотьке ее конверт и тут же открыла свой. Там лежало довольно много денег. И записка: «Аська, это тебе на непредусмотренные удовольствия! Твой любимый дед!»

– Ой, Аська! – простонала Мотья. – Гляди, сколько денег! Но зачем?.. У меня есть, мне мама дала...

– Хорошо, теперь будет больше!

– Но мне неудобно...

– Наоборот, это очень удобно, когда в чужом городе есть денежки! Это же подарок от деда! Он тебе что-нибудь написал?

– Да, вот... «Матильда, куклы тебе уже не по возрасту, посему прими от меня этот подарок и будь всегда такой, какая ты есть! Твой И.П.». Я всегда говорила, твой дед – самый лучший человек на свете! – прослезилась Мотья.

– Ну, вообще-то я тоже так считаю! – согласилась я.

Оставив Мотью с ее восторгами, я пошла на кухню помочь Ниночке. И вдруг из моей комнаты донесся вопль:

– Аська! Аська!

Я кинулась туда. Матильда стояла на коленях над открытой сумкой.

– Что с тобой? Ты чего орешь?

– Аська, гляди!

– Что? На что глядеть?

– Аська, это не моя сумка!

– Как не твоя?

– Вот так – не моя! Такая же, но не моя!

На Мотькины вопли примчалась Ниночка.

– Что такое? Сумки перепутали? Ничего страшного...

– Как ничего страшного? Там мои вещи! А главное – огурчики!

– Какие огурчики? – опешила Ниночка.

– Мама Игорю Васильичу послала, она специально для него солила... – всхлипнула Мотья.

– Не волнуйся, Матильда! – твердо сказала Ниночка. – Я сейчас позвоню в авиакомпанию и выясню, не заявлял ли кто-то еще о подмене сумки. Успокойся, найдутся твои огурчики. Ну не реви, Матильда, все устроится, вот увидишь. Вытри слезы, и идем обедать. После обеда я позвоню, хотя тот, кто прихватил твою сумку, мог еще и не спохватиться!

– Ой, а как же... Я ведь замочек сломала! Она никак не открывалась...

– Ерунда! Это мы легко уладим.

Ниночка вернулась на кухню, а Мотья проговорила, шмыгая носом:

– Это, Аська, плохо! Примета плохая!

– Какая примета? Ты сдурела? Подумаешь! Такое часто бывает! Помнишь, у деда как раз тут, в Париже, пропал чемодан с фраком? А у него концерт должен был быть! Так ничего, нашелся, хоть и не сразу!

– Сравнила куцего и зайца! Кто твой дед, а кто я!

– Так ты в гостях у деда. А Ниночка – его жена. Хватит ныть, пошли обедать, я есть хочу!

На стол Ниночка накрыла в столовой, очень красиво и торжественно. Мотья мигом забыла о своих горестях.

– Как красиво! – восторгалась она, с любопытством оглядывая стол. – Это что, французская кухня?

– Только отчасти! – засмеялась Ниночка. – Ешьте, девочки!

После закусок, она принесла совсем маленькие чашки с протертым супом. Я уже привыкла к такому, а Мотья была поражена.

– Это что?

– Суп, протертые овощи на сливках! – объяснила Ниночка.

– Суп? А я думала... Вкусно!

– Тебя, вероятно, удивило количество? – рассмеялась Ниночка. – Но этого нельзя много съесть, тяжело для желудка.

– Я даже не представляла, что бывают такие супы... как крем! А вы меня научите такой варить?

– Матильда, я тебя знаю, ты наваришь здоровую бадью, и у всех будет болеть живот! – сказала я.

– Что ж я, дикая, что ли? Я просто, когда вернусь, сделаю французский обед и позову всех наших! Вообрази, как они удивятся!

Короче говоря, обед прошел весело и уютно. Ниночка искренне радовалась нам.

После обеда она заявила:

– Дорогие мои, у меня через полчаса деловая встреча, она займет часа два, а то и больше. Что вы будете делать? Отдыхать?

– Нет! – решительно заявила Матильда. – Отдыхать в Париже? Никогда и ни за что! Ой, а вы обещали позвонить насчет сумки...

– Да-да, конечно!

Она куда-то позвонила и быстро-быстро заговорила по-французски. Я почти ничего не понимала.

– Ну вот что, – сказала Ниночка, закончив разговор. – Пока заявлений о второй сумке не поступало, я оставила им наш телефон. Мотя, там было много твоих вещей?

– Да нет, не очень, куртка теплая, мама на всякий случай положила, огурчики для Игоря Васильича да полотенца пляжные, а еще всякая мелочь...

– Значит, ты пока обойдешься?

– Обойдусь! – вздохнула Мотьяка. – Могло быть хуже...

– Вот и отлично! Ася, если пойдете гулять, возвращайтесь не слишком поздно, чтобы я не волновалась!

– Хорошо, я тебе позвоню, если мы задержимся.

Ниночка переоделась и ушла. Мы остались одни.

– Ну что, Матильда, двинем?

– Куда?

– А ты куда хочешь – в собор Парижской Богоматери?

– Нет, это завтра! Сегодня хочу просто гулять по Парижу!

– Хорошо, гулять так гулять!

– Ась, как ты думаешь, сумка найдется?

– Думаю, да. А вот огурчики...

– Что огурчики? – испугалась Мотька.

– Боюсь, тот, кто их найдет, не удержится и слопает их! Уж больно они у твоей мамы вкусные!

– Да? – огорчилась Мотька. – Неужто банки вскроют?

– Я шучу!

– А если завтра никто не объявится с сумкой?

– Тогда мы сами поглядим, что тут, в этой сумке. Вдруг там какой-нибудь адрес найдется, или имя, фамилия... Но я думаю, что все будет в порядке!

– А если нет?

– Прекрати, Матильда! Тому человеку тоже его вещи понадобятся! Так мы идем гулять?

– Идем, конечно!

Мы вышли на улицу. Мотька вдруг закрыла глаза, втянула в себя воздух и громко выдохнула.

– Ты чего, Матильда?

– Дышу воздухом Парижа!

– Ну, воздух тут не самый лучший!

– Зато парижский!

Мы дошли до площади Виктора Гюго, потом по рю Коперник – до авеню Клебер и там сели в метро, которое страшно разочаровало Мотьку.

– Фу, ну и метро! Не сравнишь с Москвой!

– Я же тебя предупреждала!

– Мало ли что... Я не верила... Чтобы в Париже, и такое метро... Давай скорее вылезем!

– Давай, – согласилась я. – Чтобы пересадку не делать! Пересадки тут кошмарные!

Мы вылезли, дошли до бывшей площади Звезды, ныне Шарля де Голля, посмотрели на Триумфальную арку, а потом опять спустились в метро, проехали четыре остановки и вышли на площади Согласия... Погуляли вокруг обелиска, добрались до сада Тюильри.

– Ой, мамочки, неужели я все это вижу? Это же счастье какое, Асечка! Площадь Согласия, Тюильри, Триумфальная арка – да я же про все это столько читала... Знаешь, я сегодня такая счастливая... Вот что, Аська... Я... Нет, давай лучше помолчим...

– Давай! – согласилась я. Мне было понятно Мотькино состояние. Наверное, всякий, кто попадает впервые в Париж, испытывает что-то похожее... Все названия, знакомые с детства по многим и многим книгам, вдруг оживают, все виденные в кино и по телевизору достопримечательности обретают объем, и человек чувствует, хотя бы на несколько минут, что попал в сказку, в сбывшуюся мечту, пусть даже он никогда и не мечтал попасть в Париж... Интересно, а в Риме будет так же?

– А куда мы сейчас идем? – спросила Матильда немного погодя.

– На Елисейские Поля!

– Как жалко!

– Почему?

– Как жалко, что у нас только три дня...

– Мотья, перестань, ты же приедешь ко мне на пасхальные каникулы!

– Аська, я знаю... Я теперь всегда буду хотеть в Париж... Я его... люблю!

– Уже?

– Да! Это – с первого...

– Взгляда?

– Нет, с первого вдоха... А ты? Неужели ты его не любишь?

– Люблю, конечно, но... Пожила бы тут с мое, тоже по Москве соскучилась бы... Да еще походила бы в эту школу, черт бы ее побрал...

– Все, я решила! Я, как вернусь, пойду на курсы французского! И к пасхальным каникулам я уже смогу хоть немножко говорить... Мне это очень, очень нужно!

– Отличная мысль!

– И имя менять не стану!

Мотья постоянно твердила, что обязательно поменяет имя, ей смертельно надоело, что почти каждый, знакомясь с нею, поет: «Кто может сравниться с Матильдой моей!»

– Почему не будешь?

– Матильда... Это такое французское имя...

– Ты, Мотья, небось уже задумала покорить Париж?

– Да, – шепотом проговорила Мотья. – Я обязательно стану знаменитой артисткой и, когда приеду в Париж, буду говорить по-французски, как настоящая парижанка... Ой, чего это я несу? Я совсем уж спятила! – спохватилась Мотья.

– А что особенного? Мечтать не вредно! Между прочим, дед считает, что ты будешь выдающейся актрисой! Он говорил Ниночке, я сама слышала!

Мотья вдруг подпрыгнула на месте.

– Ты не врешь?

– Зачем мне врать? Я просто забыла... Он еще на даче это говорил, но тебя в тот момент не было, а потом я забыла.

– А почему, почему он это сказал? Какой был разговор? Асечка, умоляю, вспомни!

– Какой был разговор? погоди, ах да, Ниночка сказала, что у тебя прелестное лицо...

– Так и сказала?

– Так и сказала, а дед сказал, что в тебе есть что-то такое, что отличает только действительно больших актрис и что он уверен в твоём блестящем будущем... и еще, что стоит тебе один раз появиться на экране, как тебя начнут приглашать сниматься снова и снова, но в этом самая большая для тебя опасность... Он считает, что любому таланту нужна хорошая школа...

– И как же ты могла такое забыть?

– Сама не знаю... Но вот вспомнила все же! – смутилась я. – Лучше поздно, чем никогда!

– Аська, я больше не могу... Пойдем, посидим вон в том кафе. Я тебя приглашаю! И не спорь! Даже не вздумай! Будем пить кофе с круассанами!

– Хорошо! – согласилась я. – Заказывать тоже ты будешь?

– Нет, закажешь ты.

Мы сели за столик в уличном кафе, я заказала два кофе со сливками и круассаны.

– Аська, – сказала Мотья, отпив глоток кофе, – у меня сегодня самый счастливый день в жизни. Самый-самый!

– Несмотря на чужую сумку?

– Несмотря ни на что!

Глава III

Ален

Утром Ниночка заглянула к нам в комнату.

– Девочки, половина девятого. Пора вставать, а то жалко времени!

– Да! – тут же вскочила Мотья. – Спасибо, что разбудили.

– Кстати, мне только что позвонили насчет твоей сумки, Матильда!

– Ой, правда? Нашлась?

– Нашлась. Я договорилась с этой дамой, что мы встретимся в городе, ей тоже не хотелось ехать в аэропорт!

– Здорово!

– Вот видишь, Мотья, а ты толковала про плохие приметы! Обычная путаница!

– Ура! Да здравствует обычная путаница! К черту всякие приметы! Ниночка, я так счастлива!

И Мотька в ночной рубашке закружилась по комнате. Ниночка улыбнулась и захлопала в ладоши.

Завтракали мы на кухне. Мотька с упоением все пробовала, всем восторгалась и вообще пребывала на седьмом небе. Потом она взялась помогать Ниночке убирать со стола, бурно обсуждая сегодняшнюю программу осмотра Парижа, а я пошла к себе переодеваться. День обещал быть жарким, надо одеться как можно легче. Потом я вытащила из шкафа пресловутую сумку со сломанным замочком. Интересно, что в ней? Я понимала, что рыться в чужой сумке нельзя, но любопытство просто сжигало меня. С чего бы это? Я не так уж любопытна. Но сейчас что-то словно подталкивало меня, и я сдалась. Открыла сумку. Сверху лежала одежда, обычные женские шмотки, красивое белье, две пары туфель, а внизу, на дне сумки, папка, мешочек с разными лекарствами и коробка с ампулами, обычная фирменная коробка с надписью «Но-шпа». Больше ничего интересного там не было. С одной стороны, я удовлетворила свое любопытство, но с другой – мне было стыдно. Ладно, решила я, никому про это не скажу! Тут в комнату ворвалась Матильда.

– Ты готова? Ниночка нас ждет! Там пришла мадам Жюли. Такая строгая! Ты ее не боишься?

– Нет, не боюсь, но... Мне с ней неудобно.

– Вот точно! Она неудобная, не то что тетя Липа!

– Матильда, сейчас за огурчиками двинем!

– Ага! Надеюсь, они не разбились! Надо мне будет что-нибудь наклеить на сумку, чтобы больше не перепутать!

– Правильно!

Я пошла поздороваться с мадам Жюли, которая сочла, что я за лето еще выросла.

Ниночка договорилась с владелицей сумки встретиться возле ее отеля, на тихой и совсем не фешенебельной улочке, где не ожидалось проблем с парковкой машины. Мы еще только въехали на эту улочку, как Мотька крикнула:

– Вон она стоит! С моей сумкой!

Ниночка притормозила у маленькой гостиницы под названием «Приют муз», Мотька пулей выскочила из машины с сумкой в руках, а я глянула на женщину и мгновенно узнала ее. Это была одна из тех, кто сидел в очереди в агентстве «Путь к славе». На ней было даже то самое платье, голубое в белых цветочках. Вероятно, и в Париж она приехала в поисках путей к славе... И тут же в моем мозгу словно что-то щелкнуло, и я узнала ее. Ну, конечно! Это монахиня! Не может быть! Бред какой-то! Я закрыла глаза, вспомнила монахиню, и теперь уже у меня не было ни малейших сомнений. Это она! Матильда уже обменялась с нею сумками, и я увидела, как женщина бросила быстрый взгляд на машину и встретилась со мной глазами... И тут же отвернулась и пошла прочь, не заходя в гостиницу. Тоже странно... Нормально было бы занести вещи в гостиницу... Но, может быть, гостиница была просто ориентиром для встречи, а живет она где-то в другом месте? Однако все вопросы и сомнения я оставила при себе. Не говорить же об этом в присутствии Ниночки. А Мотька мигом проверила, целы ли ее огурчики.

– Вот! – выхватила она из сумки одну банку. – Глядите, какие красавчики, как на подбор!

– В самом деле, – улыбнулась Ниночка, – хороши! Они маринованные или соленые?

– Соленые! Как Игорь Васильевич любит!

– У меня тоже слюнки потекли! – призналась Ниночка.

– Так там три банки, одну можно открыть!

– Сегодня вечером непременно откроем! – обрадовалась Ниночка. – Мотя, поставь сумку в ноги, чтобы не разбить! Итак, с чего начнем? С Лувра?

– Да! – сказала Мотья.

– Знаете что, идите в Лувр без меня! – заявила я.

– Почему? – испугалась Мотья.

– Потому что я там много раз была и мне не хочется!

– А что ты будешь делать? – спросила Ниночка, готовая посещать Лувр хоть каждый день.

– Погуляю, посижу в саду Тюильри... Не хочу стоять в очереди, а потом еще толкаться в толпе перед каждой картиной!

– Аська, так нечестно! – всполошилась Мотья.

– Почему нечестно? – засмеялась я. – Наоборот, нечестно было бы, если б я притворялась, что просто жить без «Джоконды» не могу. А так я все честно сказала!

Мне хотелось как можно скорее остаться одной и хорошенько обдумать свои наблюдения. Мотья смотрела на меня с некоторой тревогой. Видимо, догадалась, что я неспроста заартачилась.

– Хорошо, – сказала Ниночка. – Сейчас половина одиннадцатого. До двух можешь быть свободна. А ровно в два ждем тебя в кафе «Марли». Но будь добра, чтобы не терять времени понапрасну, купи кое-что вот по этому списку! – Она вырвала листок из записной книжки и подала мне.

– В аптеке? – сообразила я.

– Да. И еще купи себе кроссовки, твои никуда не годятся.

– Отлично! – обрадовалась я.

Ниночка довезла меня до бульвара Капуцинов и уехала. Я быстренько отыскала аптеку, купила все по списку, а кроссовки отложила на потом. Это успеется. Потом купила себе банку спрайта, ужаснувшись, как дорого он тут стоит в сравнении с Москвой. В Москве такая банка стоит три-четыре тысячи, а тут восемнадцать франков, примерно восемнадцать тысяч! С банкой в руке я медленно побрела по улицам. Итак, что мы имеем? Какая-то женщина, вероятно, несостоявшаяся актриса, летит в Париж под видом монахини. А если она и в самом деле монахиня? Но тогда что ей делать в очереди в актерском агентстве, весьма, кстати, подозрительном? Да и содержимое ее сумки не похоже на вещи монахини. Но тогда зачем? Очень и очень странно. Впрочем, ничего подозрительного в сумке не было... Кстати, и сегодня она была отнюдь не в монашеском одеянии. Что же все это значит? Надо будет подробно обсудить это с Мотькой. И тут я вдруг сообразила, что, обсуждай не обсуждай, все равно мы ничего не узнаем. Через два с половиной дня мы улетим в Ниццу, оттуда – в Италию... А потом Матильда уедет в Москву, я еще на год останусь в Париже, и тайна актерского агентства «Путь к славе» и загадочной монахини останется неразгаданной. А может, оно и к лучшему. Неужто мало тайн мы раскрыли? И вообще, зачем я об этом думаю, какое мне дело до каких-то монахинь, пусть даже и ряженных! Они преступницы? Очень может быть! Но нас это не касается, пусть их ловят те, кому положено! Все! Хватит! Я уже взрослая, мне предстоит волшебное путешествие, а я чем занимаюсь? Я рассердилась на себя и чуть не подавилась спрайтом. Дура стоеросовая! Вот теперь таскайся в жару по улицам, пока Мотька с Ниночкой наслаждаются произведениями великого искусства. Но при мысли о набитых людьми залах Лувра мне вовсе не захотелось присоединиться к своим. И тогда я решила купить кроссовки. Я огляделась и вспомнила, что неподалеку есть не очень дорогой магазин спортивной обуви, где мы с моей подружкой Николь покупали ей теннисные туфли. Покупка кроссовок не слишком волнующая процедура, во всяком случае для меня. И я быстро с ней справилась. Времени у меня было еще навалом. Я предпочла дойти до Лувра пешком, вышла на авеню Оперы и решила купить себе мороженого. Или, еще лучше, посидеть в кафе. За чем же дело стало? Я нашла свободный столик, заказала мороженое и с наслаждением вытянула ноги. Я уже немало протопала, и посидеть очень даже не вредно. Мороженое оказалось вкусным и красивым. И я себе тоже понравилась. Брожу одна по Парижу, сижу в кафе на авеню Оперы – самостоятельная, взрослая девица, отстаившая свое право не идти туда, куда не хочется.

Мысли мои поневоле вновь обратились к монахине. Для чего этот маскарад?

– Привет! – услышала я. – Привет, Анастасия!

Я обернулась.

Ко мне направлялся Ален, старший брат Николь, племянник Ниночки.

– Привет, Ален! Ты в Париже! А Николь?

– Николь с мамой отдыхают в Португалии. Вернутся через три дня.

– Жалко, через три дня я уеду в Италию.

– А у меня последние свободные денечки, – вздохнул Ален, усаживаясь за мой столик. – Ты почему одна? Где твоя подружка?

– О, ты все знаешь?

– Еще бы! Нина столько о вас говорила!

– Они пошли в Лувр.

– А ты?

– А я отказалась. Неохота...

– Да, в Лувре сейчас столпотворение... А ты за лето как-то изменилась...

– К худшему?

– Наоборот!

Я обрадовалась. Ален мне нравился, он умный и обаятельный парень.

– Ну как Москва?

– Потрясающе! Ты обязательно должен побывать там!

– Побываю, все-таки родина предков! А как насчет преступности? Ты еще не всю ее искоренила?

Мне вдруг жутко захотелось похвастать перед ним нашими успехами, и я рассказала, без особых подробностей, о наших двух последних делах.

– Невероятно! – смеялся Ален, блестя глазами. – И это все правда?

– Чистейшая! Слушай, Ален, вот ты умный...

– Говорят...

– Как, по-твоему, для чего нужно пересекать границу, переодевшись монахиней?

– Что? – оторопел Ален. – Как это?

Я рассказала ему и эту историю.

– Действительно интересно, – сказал он, – но, думаю, есть только два разумных объяснения. Первое – это облегчает контрабанду или же провоз каких-то документов, например... Но, наверное, все проще! Ты говоришь, она актриса? Так скорее всего в самолете и в аэропорту ее просто снимали скрытой камерой для какого-нибудь фильма.

– Да? Мне такое в голову не приходило! А что... Вполне может быть! – обрадовалась я. – Отличная идея!

– Ты считаешь?

– Конечно! Тогда все вполне понятно! И это очень похоже на правду! В России сейчас стараются снимать как можно дешевле... На кино нет денег.

– Ну, конечно. У тебя, Анастасия, просто уже мозги так повернуты... Тебе всюду мерещатся преступники!

– И не говори!

У меня точно камень с души свалился!

– Но тогда почему, скажи, она так явно не хотела, чтобы я ее узнала?

– Ну, это как раз вполне понятно. Она не хотела, чтобы ее... коллега, вторая монахиня, знала, что та обращается в какое-то захудалое актерское агентство.

– Ален, ты гений! И у меня действительно мозги повернуты не в ту сторону!

Ален пил кофе, я ела мороженое, светило солнце. Я чувствовала, что нравлюсь ему, кругом шумел Париж, а в довершение всего он купил у проходившей мимо цветочницы малюсенький букетик каких-то незнакомых розовых цветов.

– Ой, спасибо, Ален, в Париже мне еще никто цветов не дарил!

– А в Москве? – с ласковой улыбкой поинтересовался Ален.

– В Москве дарили, и не один раз!

– Ты скучаешь по Москве?

– Еще не успела! А зимой ужасно скучала!

– Как жаль, я зимой совсем не обратил на тебя внимания... Дурак!

– Не спорю!

Мы расхохотались.

– Вы когда уезжаете, послезавтра?

– Послепослезавтра!

– А мы могли бы еще увидеться?

- Ты хочешь мне назначить свидание?
- Именно!
- Боюсь, ничего не выйдет. Я же с Матильдой... Как я могу ее оставить?
- А она хорошенькая?
- Очень!
- Тогда нет проблем! Я приглашу своего друга...
- А он говорит по-русски?
- Конечно, он русский, но с десяти лет живет в Париже.
- А как его зовут?
- Вообще-то он Павел, но предпочитает, чтобы его звали Поль.
- Ну что ж... Это даже неплохо!
- Мы вас поведем по Парижу, посидим где-нибудь, потанцуем...
- Отлично! - обрадовалась я.
- Надеюсь, тетя Нина не станет возражать?
- Думаю, нет!
- Прекрасно, вечером мы за вами зайдем, но раньше я позвоню.
- Хорошо! Договорились!
- Что ты смотришь на часы? Тебе пора?

– Вообще-то да, пока я дойду...

– Не волнуйся, я тебя подброшу!

– На чем?

– На мотоцикле.

– Да? Здорово! Я никогда еще не ездила на мотоцикле!

– Ну, в городе всей прелести не почувствуешь, на наших улицах едешь, как черепаха... А вот вечером можно за город поехать!

– А у Поля тоже мотоцикл?

– К сожалению, нет, – вздохнул Ален. – Я забыл... Ну ничего, ты ведь этот год пробудешь в Париже, значит, я успею еще покатать тебя на мотоцикле.

– Только ни слова Ниночке! Если дед узнает, он будет рвать и метать...

– Почему?

– Боится за меня!

– У тебя великолепный дед.

– Знаешь, Ален, – засмеялась я, – в Москве ни один парень твоего возраста в жизни так не сказал бы – великолепный дед!

– Почему? Разве это неправильно?

– Правильно, но...

– А как бы они сказали?

– Классный, или клевый, или потрясный...

– А, молодежный жаргон... Я знаю, в старых эмигрантских семьях русский язык немножко старомодный...

– Но зато более чистый! Дед всегда говорит, что Ниночка, помимо всего прочего, пленила его своим чистейшим русским языком, без всякого мусора.

– А у вас в языке много мусора?

– Ужасно! Сейчас, например, все про все говорят «как бы», просто помешательство какое-то.

– Как бы?

– Да. Вот например: ну, мы как бы с тобой договорились, как бы пойти вечером, как бы потанцевать! Я, конечно, немножко преувеличиваю, но...

– Я понял. Знаешь, Анастасия, а ты... классная девочка! – засмеялся Ален. – С тобой интересно...

– Ты тоже классный парень, только, прошу тебя, говори, как говоришь, этими словечками я и так сыта по горло!

– Согласен! Так что, довезти тебя?

– Довези!

Мы вышли из кафе. Он взял меня под руку и повел за угол, где стоял его мотоцикл. Буквально через несколько минут он довез меня до Лувра. У меня было еще полчаса до встречи с Ниночкой и Мотькой. Мы погуляли, болтая о разных разностях, а потом он уехал, а я, очень довольная, направилась в кафе «Марли». Ниночка и Матильда уже были там. Мотька сияла.

– Ой, Аська! – только и смогла выговорить она.

– Устали? – спросила я.

– Не то слово! Но было так здорово...

– Ну, а как ты провела время? – поинтересовалась Ниночка.

– Отлично! Все купила, а потом сидела в кафе с Аленом!

– Ален в Париже? – удивилась Ниночка. – Вы что, случайно встретились?

– Конечно! А сегодня вечером он обещал повести нас куда-нибудь потанцевать! Ты ведь не будешь возражать? – спросила я у Ниночки.

– Да нет, Алену можно доверять... Вы пойдете втроем?

– Нет, вчетвером! Будет еще его друг Поль, то есть Паша.

– А кто это – Ален? – не выдержала Мотья.

– Мой племянник, старший брат Николь, о которой ты наверняка слышала от Аси...

– А... И он пригласил нас танцевать? А куда? На дискотеку?

– Не знаю, он не сказал... Он вечером позвонит.

– Аська, а ты была тут когда-нибудь на дискотеке? – с интересом спросила Мотья.

– Нет, не была... Я и в Москве ни разу не была...

– А я была. С Олегом...

– Девочки, что мы решаем? Здесь пообедаем, дома или...

– Ниночка! Я вспомнила! Матильда хотела попробовать устриц...

– Устриц? Ну что ж, отлично! В таком случае я отвезу вас в свой любимый ресторанчик, там всегда роскошные свежие устрицы!

Мотья покраснела как вареный рак.

– Аська, ну ты чего... Я же так сболтнула... А ты...

– Не стесняйся, Матильда! – подбодрила ее Ниночка. – Я сама обожаю пробовать все новое...

– Но я не знаю... А вдруг они мне не понравятся?

– Не понравятся, я твою порцию съем, – успокоила я подругу.

Мы допили сок, наблюдая за очередью в музей, а потом пошли к машине.

– Девочки, давайте заедем домой, я хочу принять душ, переодеться после этой толпы в Лувре... И вам советую, а потом поедem к месье Жерому.

– Куда? – шепнула Мотья.

– Месье Жером – хозяин рыбного ресторана, – объяснила я подружке.

Дома мы тоже приняли душ и на полчаса прилегли отдохнуть. Матильда была полна впечатлений, но я быстро спустила ее на грешную землю.

– погоди с Лувром, Матильда! Ты узнала эту тетку, которая твою сумку прихватила?

– Узнала? Нет! А кто это?

– Зато я узнала! Это монахиня! Та, из-за которой я мучилась в самолете. И я вспомнила, где ее раньше видела!

– И где же?

– В твоём актерском агентстве. Она там в очереди сидела.

– Иди ты!

– Честное слово! Ты же тогда была в невменяемом состоянии, да и вообще там все так быстро произошло, но я помню – я смотрела на этих людей и думала: они уже не молодые и вот тоже ищут путь к славе.

– Значит, это была не настоящая монахиня?

– Выходит, так! Правда, Ален, считает, что это скорее всего была съемка скрытой камерой... Эпизод для какого-нибудь фильма...

– Ерунда!

– Почему?

– Потому! Если бы это были съемки, они бы проходили таможню в своей нормальной одежде, а переоделись бы уже в самолете или перед вылетом... А я еще до таможни этих монахинь видела! Ой, Аська, тут что-то нечисто!

– Чисто – нечисто, мы уже ничего не выясним...

– Эх, черт, надо было порыться в той сумке...

– Я порылась, – призналась я.

– Да? И что?

– Ничего! Одно могу сказать, там были шмотки отнюдь не монашеские! Мешочек с лекарствами, ампулы с но-шпой и какая-то папка.

– И ты в нее не заглянула?

– Нет.

– Зря, наверное...

– Может, и зря...

– Аська, а этот Ален симпатичный?

– По-моему, да.

– Ой, как интересно! Слушай, Аська, а может, стоит сообщить про монахинь в полицию?

– А что мы сообщим? Что приехали две монахини? Так они и сами это знают, ну, на таможне, я имею в виду... А сказать, что в сумке лежали не монашеские шмотки, так это ж глупость... И потом, мы не знаем: вдруг они имеют право носить обычную одежду. Или взаправду это актрисы. Нет, мы только деда поставим в идиотское положение... Представляешь, если про это журналисты пронюхают...

– Да, я не подумала...

– И вообще, на фиг нам портить такую поездку? Нас же могут задержать в Париже, начнут выяснять всякое...

– Все! Все! Молчи! Плюнули и растерли! Чихать мы хотели на всяких баб! И, кстати, вещички могли быть не ее, а чьи-нибудь еще!

– Девочки, вы готовы? – раздался за дверью голос Ниночки.

– Через пять минут будем готовы! – крикнула я и вскочила с кровати.

Глава IV

Если бы в Париже было море...

Ресторан месье Жерома под названием «Сигаль», что значит «Цикада», находился в одной из тихих улочек Монмартра, неподалеку от Сакре-Кер... Небольшой, даже тесный зал – столиков десять, не больше, с темной деревянной лестницей в глубине. Народу немного – занято всего два столика. Навстречу нам вышел сам месье Жером – высокий усатый человек в длинном белом фартуке. Он радостно приветствовал Ниночку, и, пока мы с Мотькой усаживались за столик у окна, они о чем-то щебетали по-французски. Но вот Ниночка вернулась к нам, и месье Жером тут же подал каждой из нас меню. Матильда только глазами хлопала.

– Итак, Мотя, ты хочешь устриц?

– Я не знаю...

– Ася, а ты?

– Я точно хочу! И Матильда тоже хочет.

– Хорошо, потом, я думаю, надо взять морской язык, его здесь изумительно готовят!

– Морской язык? Это что? – испуганно спросила Мотька.

– Это рыба такая, очень вкусная!

– Хорошо, возьмем морской язык! – заявила я.

– И, я полагаю, вам можно будет выпить по бокалу белого вина! – сказала Ниночка.

Мы спорить не стали.

Заказ у нас принял уже не месье Жером, а официант в таком же длинном белом переднике.

– А почему ресторан называется «Цикада», если он рыбный? – спросила Мотья.

Ниночка засмеялась.

– Когда-то Игорь Васильевич задал месье Жерому тот же вопрос! Оказывается, месье Жером считает, что цикада в холодные, промозглые вечера напугает людей о томных южных вечерах у теплого моря и им захочется полакомиться дарами этого моря... Именно так цветисто он все и объяснил...

– Да, здорово! – сказала Мотья. – Он, наверное, прав...

Тут появился официант с каким-то странным сооружением в руках. На высоких ножках с металлическим кольцом наверху стояло большое блюдо со льдом, на котором лежали уже раскрытые раковины устриц. Матильда замерла. И тут же были поданы два маленьких соусника и блюдце с толстыми дольками лимона. И, разумеется, бутылка белого вина. Официант открыл бутылку и налил несколько капель в Ниночкин бокал. Она отпила глоток и одобрительно кивнула. Тогда он налил ей, а потом и нам. Наконец он отошел.

– Ну, Матильда, попробуй! Если не понравится, говори честно, закажем тебе что-нибудь другое! – ласково сказала Ниночка.

– А как... как это едят?

– Возьми раковину в руку и подцепи вилочкой, вот этой. Ты хочешь с соусом или с лимоном?

– А лучше как? – дрожащим голосом осведомилась Матильда.

– Лучше с лимоном, чтобы вкус разобрать, – посоветовала я.

Матильда осторожно взяла устрицу, выжала на нее лимон, подцепила мясо вилкой и, зажмурившись, отправила в рот. Мы с Ниночкой не сводили с нее глаз.

– Ну как?

– Морем пахнет... Но ничего особенного... Хотя вкусно!

– Будешь есть?

– Буду!

Запив устрицу вином, Матильда расхрабрилась и попробовала устрицы и с чесночным соусом, и с сельдерейным. Покончив с ними, она сказала:

– Обалдеть!

Ниночка расхохоталась.

Морской язык подали на громадных тарелках с отварной картошкой и масляным соусом, а к нему еще зеленый салат, маслины и острые маринованные овощи. Рыба оказалась удивительно нежной и вкусной. Матильда была на седьмом небе.

– А в Италии или даже в Ницце тебе надо будет попробовать осьминога, – сказала я.

– Осьминога? Попробую обязательно! – расхрабрилась Матильда.

– Девочки, я предлагаю сейчас пойти погулять, а десерт съесть немного погодя, в каком-нибудь симпатичном кафе. Согласны? – предложила Ниночка.

Мы, естественно, согласились. Провожать нас вышел сам месье Жером, он передавал приветы деду, чьим поклонником был уже много лет.

– Если мы будем в Милане, – сказала Ниночка, – я поведу вас в одно кафе, хозяйка которого безумная поклонница Игоря Васильевича. Там висят его портреты в разных ролях, звучат его записи, собираются поклонники...

– Ой, как интересно! – закричала Матильда.

– Там даже в меню есть «Министра Потоцки», нечто вроде борща!

Весело болтая, мы отправились гулять, полюбовались белой громадой Сакре-Кер, потом еще посидели в кафе, где съели десерт – фруктовый салат, положенный вместо вазочки в половину маленькой дыни. А потом уже, еле живые, поехали домой.

– Ах, как я устала, – простонала Ниночка.

Мы тоже с трудом передвигали ноги. Матильда уснула в машине. Я растолкала ее уже у нашего дома.

– Матильда, проснись! Приехали!

Она открыла глаза, блаженно улыбнулась и проговорила:

– Значит, это все не сон? И я вправду в Париже?

– Правда, правда!

Едва мы вошли в квартиру, позвонил дед и потребовал от меня отчета о сегодняшнем дне и о наших впечатлениях.

– Дед, мы уже еле живые! – сообщила я.

– И что? Вы собираетесь сидеть вечер дома? Как старые клячи?

– Ничего подобного! Мы идем вечером на свидание!

– На свидание? С кем это?

– С Аленом и его другом!

– Вот это правильно! Париж создан для свиданий! – засмеялся дед. – Только об одном прошу – никаких мотоциклов! Обещай мне!

– Не будет никаких мотоциклов, дед!

– Это точно?

– Клянусь! У его друга нет мотоцикла, не сядем же мы вчетвером на один!

– Ну, если он с коляской...

– Дед, прекрати! Он без коляски.

– А ты почему знаешь?

– Я на нем сегодня уже ездила!

– Аська!

– Дед, ну ты чего? Не занудничай!

– Ладно, ладно, не буду! Ниночку позови!

Я отнесла трубку Ниночке в спальню и пошла к себе. Матильда возлежала на диване с круглым зеркалом в руках.

– Ты чего там изучаешь? – любопытствовала я.

– Да вот... смотрю... Вроде это я!

– А ты думала увидеть кого-то другого?

– Конечно! Со мной всего этого просто не может быть!

Ален позвонил в половине восьмого и сказал, что они с Полем зайдут за нами примерно через час. Ниночка проворчала, что это поздно, но я обещала, что мы вернемся в двенадцать.

Мы с Матильдой навели красоту и стали ждать ребят. Зазвонил телефон. Я подошла.

– Прошу прощения, – сказал по-русски вкрадчивый мужской голос. – С кем я говорю?

– А кто вам нужен?

– Это квартира господина Потоцкого?

– Да.

– Извините, а он сейчас в Париже?

– Нет.

– А с кем я говорю?

– Я его внука, Ася...

– Ах, Ася! Я много о вас слышал, вы, кажется, из Москвы?

– Да. Простите, а кто это? Что передать?

– Вы еще долго пробудете в Париже?

– Я?

– Да-да, вы!

– До пятницы... А что?

– Нет-нет, просто я подумал, что... Впрочем, это неважно! Всего хорошего! – И мой собеседник повесил трубку.

– Странно... – задумчиво проговорила я. Мне не понравился этот разговор. И я вела себя как полная дура.

– Ты чего, Аська?

Я передала Мотьке весь разговор.

– Ну и что особенного? Кому-то понадобился Игорь Васильич, он напоролся на его внучку и потрепался с ней, только и всего.

– Но почему же он не назвался?

– Не захотел! И потом, может, ты никогда его имени не слышала...

– Понимаешь, мне этот голос показался подозрительным.

– Привет! Давно не видались!

– Слушай, Мотька, а не может это быть связано с той историей?

– С какой еще историей? Ты насчет монахини, что ли?

– Ну да!

– Глупости! Мы им сумку отдали, вещей не трогали...

– Вот именно, я их трогала, может, там что-то не так лежит, и теперь...

– Что теперь?

– Ну, я не знаю, вдруг они подозревают, что мы узнали какую-то их тайну...

– И что?

– Не знаю, но мне как-то не по себе...

– Послушай, а откуда они телефон ваш взяли?

– Ну, это-то как раз не проблема. Ниночка же вчера позвонила в аэропорт и оставила наш телефон на случай, если сумка найдется. И утром кто-то позвонил...

– Да, я вспомнила... Но все же я думаю, что это чушь...

– Будем надеяться!

Вскоре раздался звонок в дверь. Это пришли Ален с Полем. Поль был немного выше Алена, очень славный парень лет девятнадцати, в очках.

– Анастасия, привет! – сказал Ален. – Где же твоя подружка?

Но тут появилась Ниночка.

– О! Ма тант[1 - Тетушка (фр.).]! – обрадовался Ален. – Я знаю все, что ты хочешь сказать! Мы будем всячески охранять девочек, не поведем их ни в какие дурные места и ровно в полночь доставим сюда!

– Вот и хорошо! – засмеялась Ниночка. – Иначе тебя ждет гнев месье Потоцкого, а он в гневе бывает страшен!

– Слышал, слышал!

И тут появилась Матильда в своем любимом голубом платье. У Поля отвисла челюсть.

– Познакомьтесь! Это Поль, а это Матильда!

Мы немного пообщались впятером, а потом Ален сказал:

– Для начала предлагаю погулять немножко в Булонском лесу, тут недалеко, а там посмотрим...

– Нет, Ален, сейчас уже темно, не стоит идти в Булонский лес! – решительно вмешалась Ниночка.

– Хорошо, – легко согласился Ален, – придумаем что-нибудь другое. Тогда до десяти посидим в кафе, а потом двинем на дискотеку!

– Двинем? – засмеялась я. – Это уже жаргон!

– Хорошо! – ослепительно улыбнулся Ален. – Не буду! В таком случае просто пойдем на дискотеку. Согласна?

Он улыбался уже только мне, а у меня от его улыбки екнуло сердце.

Мы простились с Ниночкой и вышли на ярко освещенную улицу.

– Ночной Париж! – восторженно прошептала Матильда.

Ален взял меня под руку и чуть-чуть отстал от Матильды с Полем. Они уже о чем-то оживленно беседовали.

– Кажется, у них все нормально, – сказал Ален.

– Вроде да.

– Знаешь, Анастасия, на меня большое впечатление произвели твои сегодняшние рассказы... И почему-то, сам не знаю, я все время мысленно возвращаюсь к этой истории с актрисой-монахиней...

– Но ты же говорил, что это съемки скрытой камерой! – напомнила я ему.

– Возможно, и так, но...

– Кстати, сегодня у меня был странный разговор!

И я поведала ему о звонке незнакомца.

– Знаешь, в другом случае я, наверное, сказал бы, что это чепуха, но сейчас... мне почему-то немного страшно за тебя...

– Ты тоже думаешь, что эти события как-то связаны между собой?

– Не исключено!

Но тут вдруг Мотья остановилась как вкопанная, хлопнула себя по лбу и бросилась ко мне.

– Аська, Аська!

– Что стряслось?

– Я камеру забыла! Я вообще про нее забыла! Ой, подождите, я сбегаю!

И Матильда стремглав кинулась назад.

– Что с ней? – не понял Ален.

– Забыла про видеокамеру! И я, кстати, забыла, дед обещал мне подарить...

– И не сдержал обещание? – улыбнулся Ален. – На него это не похоже. Он, кажется, очень щедрый человек?

– Да, очень... Он, наверное, просто забыл или подарит мне ее в Риме.

– Настя, у тебя классная подружка, – сказал Поль.

Ален рассмеялся.

– Ты чего? – удивился Поль.

– Нет, это я так... – сквозь смех сказал Ален и подмигнул мне: – Действительно классная!

Он хорошо запомнил наш разговор о чистоте языка.

Вскоре показалась сияющая Матильда с камерой в руках, и мы продолжили свой путь.

Я заметила, что Ален несколько раз останавливался на мгновение и оглядывался по сторонам.

– Ален, что ты делаешь?

– Ох, извини, привычка... Понимаешь, когда я был маленьким, боялся вечерами выходить на улицу и все время озирался... Вошло в привычку... Извини.

Я с удивлением на него взглянула – он явно врал.

Мы пришли в кафе, где все посетители были не старше двадцати лет, гремела музыка и вообще дым стоял коромыслом.

– Матильда, убери свою камеру, – посоветовал Ален, – а то мало ли...

– Что?

– Могут отнять или...

– А зачем же вы привели нас в такое место? – резонно спросила Мотья. – И вообще, здесь ужасно шумно...

Ален и Поль расхохотались.

– Вот это я понимаю! Женская логика! – проговорил Поль. – Вы правы, пошли сейчас в тихое местечко, а уж потом...

– Ася, как бы сказали в Москве?

– А уж потом оторвемся на дискотеке!

– Оторвемся? – переспросил Ален.

– Или отвяжемся! – подсказала Мотья. – Поль, а ты что, уже забыл, как говорят в Москве?

– Я просто отстал.

Мы перешли через улицу и приземлились в маленьком тихом кафе, где просидели до десяти, а потом отправились на дискотеку, где протанцевали до половины первого...

– Ой, – первой спохватилась Матильда, – ребята, нам пора, Ниночка будет сердиться!

Ален посмотрел на часы.

– А я и не заметил, как время пролетело! – сказал он, нежно глядя на меня. – В самом деле, пора. Сейчас возьмем такси!

Мы выскочили на улицу и сразу поймали такси. Через четверть часа мы были дома.

– Спасибо вам, ребята! – сказала я на прощание.

– Нет, Анастасия, мы вас доставим до места и сдадим тетушке с рук на руки, – заявил Ален.

Поль удивленно посмотрел на него, но ничего не сказал.

Они поднялись с нами. Я не успела достать ключи, как дверь распахнулась. На пороге стояла Ниночка.

– Ма тант, не сердись! Мы немножко задержались! – с обезоруживающей улыбкой начал Ален. – Девочки так хорошо танцуют, было ужасно весело...

– На первый раз прощаю, – улыбнулась в ответ Ниночка, – хотя я уже начала волноваться. Значит, вы довольны?

– Очень! – хором ответили мы с Матильдой.

– Нина, у меня завтра свободный день, я мог бы показать девочкам город...

– Ну что ж, можешь взять мою машину, – обрадовалась Ниночка. – А то я сегодня смертельно устала...

– Ма тант, я тебя обожаю! Поль, а ты завтра не занят?

– Свободен, как ветер!

– Вот и отлично!

Наконец ребята ушли.

– Девочки, они за вас платили в кафе? – вдруг спросила Ниночка.

– Да, а почему вы спрашиваете? – несказанно удивилась Мотья.

– Потому что... Видите ли, французы – странные люди... Сейчас тут принято, чтобы каждый платил за себя, а я хоть и выросла в Париже, но моя русская кровь просто закипает от таких вещей... У меня есть приятельница, довольно известная актриса, и муж у нее актер. Так вот, они, когда ходят в ресторан, платят каждый за себя.

– Муж и жена? – поразилась я.

– Муж и жена, – подтвердила Ниночка. – Я помню, когда твой дед первый раз пригласил меня ужинать, я не знала, как себя вести, и от смущения попыталась заплатить за себя. Боже, что он мне устроил! Это был наш первый скандал!

– А почему? Французы что, жадные?

– Увы!

– Но ведь ребята не французы... – напомнила я.

– Как странно, – сказала Мотья, – у всех народов все по-разному... Наверное, французам наши русские привычки тоже кажутся странными, да?

– Конечно, – улыбнулась Ниночка. – Ты, Матильда, мудрая... Ну все, идите спать, поздно уже. Я тоже с ног валяюсь, спокойной ночи!

Ниночка ушла.

– Аська, ты спать хочешь?

– Нет!

– И я не хочу!

– А что ты предлагаешь?

– Предлагаю выйти на балкон и поглядеть на Париж!

– Да разве ж это балкон?

В нашей громадной гостиной окна были до пола, они открывались вовнутрь, а за ними была кованая чугунная решетка, которая доставала мне до талии, и находилась на расстоянии полушага от окна-двери.

– Неважно, давай откроем, а?

– Давай!

Мы открыли двери и ступили на балкон.

– Смотри! – прошептала Мотька.

Ален и Поль стояли внизу и о чем-то оживленно говорили.

– Только не вздумай орать! – предупредила я Мотьку.

– Что я, дура? Интересно просто, о чем они говорят. И почему не уходят?

– Говорят о нас, ясное дело!

– Эх, послушать бы.

Но тут они прервали разговор и медленно пошли прочь.

– Аська, Ален в тебя втрескался! Сразу видно!

– И ты Полю понравилась!

– Эх, хорошо! – потянулась Мотька. – Ну и денек! С ума спятить можно! И мы – в Париже!

– Еще два дня, а потом мы будем в Ницце, это тоже не кот начихал!

– Там красиво?

– Не то слово! Море, горы...

– Да! Море – это вещь... Вот если бы в Париже было море!

– Много хочешь! – засмеялась я.

– А Олег в Париже не был! – вдруг заявила Мотька.

– При чем тут Олег?

- Да это я так... Просто вспомнила...
- Если бы в Париже было еще море и Олег...
- Ага! – рассмеялась Мотья. – Зришь в корень, подруга! Пошли спать!

Глава V

Женщина в сером

Утром мы проснулись сами. Еще не было восьми.

- Аська...
- Ты в Париже, это не сон! Успокойся!
- Мы сегодня поедem в собор Парижской Богоматери?
- Поедем! Обязательно! Только для простоты лучше говорить Нотр-Дам.
- Нотр-Дам?
- Ага!
- Ладно, запомню, мерси! Аська, я есть хочу, умираю!

Я прислушалась. В квартире все было тихо. Ниночка спит, а мадам Жюли еще не пришла.

- Я сейчас принесу тебе чего-нибудь!
- Послушай, а когда ребята-то придут? Может, уже пора вставать?

– Ладно, встаем!

Через пятнадцать минут, свежие, умытые и причесанные, мы на цыпочках явились в кухню.

– Что ты хочешь? – спросила я Матильду. – Кофе будешь?

– Я все буду, что дашь!

Я полезла в холодильник, достала сыр, ветчину, сливки, масло.

– Может, тебе яйцо сварить или яичницу?

– Да нет, этого хватит! А йогурт есть?

– Есть! Я тоже почему-то голодная.

– Так вспомни, сколько мы вчера сил потратили! Ужас!

– О! Вы уже завтракаете! – в дверях появилась заспанная Ниночка. – А для меня кофе есть?

– Да! Я много заварила!

– А что вы так рано поднялись?

– Не знаю, проснулись и очень захотелось есть.

Ровно в девять позвонил Ален:

– Привет, Анастасия! Как спала?

– Хорошо!

– Через полчаса мы с Полем будем у вас! Тетушка встала?

– Да!

– Прекрасно! Ждите нас!

– Может, нам спуститься?

– Нет-нет, ни в коем случае! Мы за вами зайдем!

– Ален, почему у тебя такой голос?

– Какой? – как-то неестественно рассмеялся Ален. – Просто я немного не выспался.

Ровно через полчаса раздался звонок в дверь. Это пришли Ален и Поль.

– Ален, можно тебя на минутку? – сказала Ниночка и увела племянника в другую комнату. Наверное, даст ему денег на наши развлечения. Что ж, это правильно...

– Поль, а почему вы вчера так долго торчали тут под балконом? – полюбопытствовала Мотья.

– Вчера? Ах да, действительно, мы просто заспорили о футболе... – слегка смутился Поль. – Кстати, Матильда, не забудь сегодня камеру!

– Не забуду!

Тут вернулся Ален с ключами от машины.

– Ну, девочки, идем!

– Вы куда сейчас? – поинтересовалась Ниночка.

– В Нотр-Дам! – отчеканила Мотья.

– Люблю, когда цель ясна! – рассмеялся Ален. – Нотр-Дам так Нотр-Дам.

– А еще я хочу на Эйфелеву башню!

– Без меня! – сказала я.

– И без меня тоже! – поспешил сказать Ален. – У меня голова кружится.

– И у тебя тоже? – разочарованно спросила Мотья у Поля.

– У меня? Понятия не имею! Я там не был!

– Вот и хорошо, пойдете вдвоем, а мы с Анастасией подождем вас внизу!

Мы спустились. Нас приветствовал Дидье, консьерж.

– Сколько в Париже черных! – шепнула Матильда, когда мы вышли из дома.

– В Москве меньше? – спросил Ален.

– Меньше! Намного меньше, хотя тоже есть...

– А ты против? – насторожился Ален.

– Я? Нет, конечно!

Ален сел за руль, я рядом с ним, а Мотья с Полем устроились на заднем сиденье. Машина тронулась.

– Какой кайф! – закричала Мотья. – Сплошной! Скажи, Аська!

– Да, ломовуха!

– Что? – поперхнулся Ален. – Ломовуха? Что это значит?

Я со смехом объяснила ему.

– Ну вот, сама требовала от меня чистоты языка, а теперь...

– Я нарочно!

– Я так и понял! Кстати, предлагаю начать с Эйфелевой башни, она ближе, а потом уж...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Тетушка (фр.).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/ekaterina-vilmont/sekret-malen-kogo-otelya>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)